

Fiotrita

*Хрустальный
цветок*

Fiotrita Fiotrita

Хрустальный цветок

<https://litres.ru/73876696>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оливия — единственная дочь могущественного семейства Сиэтла, чья жизнь была спрятана от любопытных глаз, будто тайна, хранимая вековыми замками. Для всего мира она оставалась лишь легендой, сказочным образом, Хрустальным цветком, взрожденным в тепличной атмосфере. Внутри же кипела огненная страсть, рвущаяся наружу, жаждущая свободы.

Но однажды решило само Провидение, что пришла пора явить сокровенное миру. Отец объявил: час настал — Оливии предстоит выйти замуж за влиятельного олигарха, став часть игры. Свобода затрещала по швам, крылья птицы сломались. Но в душе родилась тихая ярость, твёрдое решение вырваться из паутины интриг и фальши.

И вот среди серых стен вырисовывается спасительная гавань — студия звукозаписи, место, где рождается музыка сердца. Там живёт человек, музыкант по имени Дилан, чьи руки украшены татуировками гениев прошлого. Здесь, под звуки мелодий, расцветает другая Оливия — свободолюбивая художница Anthurium, скрытая до поры, скрываемая страхом перед миром.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	46
глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	54
Глава 15	58
Глава 16	61
Глава 17	64
Глава 18	68
Глава 19	71
Глава 20	74
Глава 21	77
Глава 22	80
Глава 23	83

Fiotrta

Хрустальный цветок

Глава 1

Я была единственной дочерью самой богатой семьи Сиэтла. Моё имя — Оливия, но для всего мира я была лишь призраком, тенью за спиной отца. Партнёры папы знали о моём существовании так же хорошо, как знают о редкой картине в частной коллекции: «Да-да, у Майкла есть дочь». Но никто никогда не видел моего лица. Это не было наказанием или позором. Просто наша семья любила меня слишком сильно. Мама и отец боялись высшего света Сиэтла — серпентария в дорогих костюмах, где улыбки прячут клыки. Они знали: стоит мне появиться на одном балу, как меня тут же запишут в «завидные невесты». Для них я буду не человеком, а выгодным активом, ключом к папиной строительной империи и маминым связям. Мама всегда хотела для меня иного. Она мечтала, чтобы я сама выбрала того, кто будет держать меня за руку не ради слияния капиталов, а ради тепла ладони. Единственное место, где я чувствовала себя настоящей, была моя студия. Родители подарили её мне на десятилетие. Не кукольный домик и не пони (хотя братья шутили об этом), а огромное светлое пространство с панорамными окнами на

залив. Я сбегала туда из нашего огромного, холодного особняка. Там пахло льняным маслом и акрилом, там были только я и холсты.

Братья — моя крепость. Крис, старший, моя опора и стена. Всегда был слишком серьёзен для своих лет. Когда мне снились кошмары о том, что кто-то узнает мой секрет и забрёт меня силой, именно Крис сидел у моей кровати до утра. Научил защищаться физически и морально.

Итан, средний брат, наш семейный разум. Пока Крис был мускулами, Итан был мозгом. Именно он в мои двадцать лет помог выстроить систему управления сетью отелей так, чтобы моё имя нигде не фигурировало официально. Я владела империей отелей через цепочку юристов и анонимных счетов. Сейчас мне двадцать три. Отец настоял, чтобы я получила диплом управленца — «для порядка», как он говорил. Скрипела зубами над учебниками экономики, мечтая о палитре красок. А вчера это случилось.

Я стою посреди своей студии Anthurium — места, где рождается всё настоящее во мне. В руках дрожит конверт из Художественной академии Сиэтла.

«Уважаемая мисс...»

Не дочитываю до титула отца.

«Поздравляем с зачислением!»

Перечитываю эти слова снова и снова, пока они не начинают расплываться перед глазами от слёз счастья. Свобода! Больше не просто наследница за семью замками. Теперь я —

студентка. Хватаю телефон трясущимися пальцами, игнорируя десятки уведомлений от ассистентов по поводу отелей. Плевать на бронирование люкса для какой-нибудь кинозвезды прямо сейчас. В списке контактов всего несколько имён: «Самый красивый парень» (Крис), «Самый добрый» (Итан) и «Мама». Нажимаю на последнее имя и подношу телефон к уху, слушая гудки с замиранием сердца.

Глава 2

Я ждала ответа мамы, выбегая из своей студии под прохладный дождь. Тяжелая дверь захлопнулась за спиной, отсекая привычный запах льняного масла и скипидара. Снаружи воздух пах озоном, мокрым асфальтом и свободой. Я прижала телефон к уху так крепко, будто он мог передать маме не только мой голос, но и всю ту бурю радости, что клокотала внутри.

Гудки тянулись бесконечно долго. В наушнике звучала лишь тишина ожидания, прерываемая тихим потрескиванием. Я сделала несколько шагов по дорожке, ведущей к дому, и остановилась у огромной лужи. В ней, как в кривом зеркале, отражались огни особняка и серое, низкое небо. Я наклонилась ниже, рассматривая искаженный мир в воде.

— Давай же, мам... — прошептала я в трубку.

В этот момент мой мир перестал быть просто отражением в луже. Он стал твердым, теплым и пахнущим дорогим парфюмом с нотками кедра.

Я врезалась прямиком в грудь Криса.

Это было похоже на попытку пробить кирпичную стену. Удар вышел мягким только потому, что Крис успел среагировать — его руки легли мне на плечи, удерживая от падения. Телефон выскользнул из мокрых пальцев и с тихим «плюх» приземлился прямо в центр той самой лужи, кото-

рую я только что изучала.

— Черт! — выдохнула я одновременно от испуга и от того, что весь воздух из легких выбило при столкновении.

Крис хмыкнул. Это был низкий, грудной звук, который я знала с детства. Он всегда так делал, когда я попадала в очередную нелепую ситуацию.

Я подняла глаза. Он возвышался надо мной на целую голову — его рост всегда казался мне пугающим для чужих и таким надежным для меня. Под мокрым пиджаком угадывались широкие плечи и мощная, накачанная спина человека, который привык держать на себе не только ответственность за семейный бизнес, но и весь мир. Его каштановые волосы, обычно идеально уложенные, сейчас потемнели от дождя и небрежно падали на лоб. Но главное — его глаза. Глубокие серые глаза, в которых я никогда не видела осуждения или строгости старшего брата. Только безграничную любовь и полное понимание.

— Смотри, куда летишь, мелкая, — его голос был спокойным, но в нем слышалась привычная забота. Он чуть сжал мои плечи, проверяя, все ли кости целы.

— Ты как? Не ушиблась?

Я покачала головой, все еще не в силах отвести взгляд от его лица.

— Я... я маме звоню! — выпалила я, наконец осознав потерю связи. — Телефон!

Крис проследил за моим взглядом на мутную воду лужи

и вздохнул так тяжело, будто я только что разбила его любимую машину.

— Только не говори Итану. Он заставит меня читать лекцию о технике безопасности и гидроизоляции.

Он наклонился и, не боясь испачкать свой дорогой пиджак, ловко подцепил телефон двумя пальцами за уголок корпуса.

— Держи свою драгоценность, — он протянул мне мокрый аппарат.

Экран мигнул последний раз и погас.

Я прижала мертвый телефон к груди вместе с рукой брата. Внезапно вся эйфория от письма куда-то испарилась. Радость сменилась детской обидой: вот хотела поделиться счастьем — и на тебе, купание гаджета.

— Она не ответила? — Крис заметил мое поникшее лицо.

Он всегда замечал. Он видел меня насквозь лучше любого рентгена.

— Нет... Я так хотела ей рассказать... — голос предательски дрогнул.

Крис вздохнул и одним движением притянул меня к себе. Я уткнулась носом в его мокрую рубашку. Он был теплым, надежным и пах домом. Он погладил меня по мокрым волосам большой ладонью.

— Ну-ну, не реви. Итан достанет из него воду даже из выключенного. У него есть какой-то волшебный рис или что-то такое для утопленников-телефонов. А мама... Мама сейчас

на каком-то благотворительном вечере с отцом. Там глушат связь не хуже, чем в бункере. Она перезвонит, как только увидит пропущенный.

Я шмыгнула носом. Крис был прав. Он всегда был прав в таких вещах.

— Ты правда поступила? — спросил он уже мягче, отстраняя меня за плечи и заглядывая в глаза.

Я кивнула, чувствуя, как улыбка снова начинает пробиваться сквозь грусть.

— Да! В художку! Представляешь?

Лицо Криса изменилось. Суровая маска «опоры семьи» спала. Передо мной стоял просто старший брат, который гордится своей сестрой. Он взъерошил мне волосы рукой — совсем не по-джентльменски, но именно так он выражал свою любовь всю жизнь.

— Ну наконец-то! А то я думал, ты всю жизнь будешь рисовать эти свои... как их... антуриумы на салфетках за ужином. Поздравляю!

Он обнял меня еще раз — крепко-крепко, так что я пискнула.

— Ты молодец. Папа будет ворчать для виду, но он тоже гордится. Иди домой, переоденься в сухое. И скажи Итану про телефон, пока он сам не увидел лужу на полу в холле и не устроил расследование века.

Я рассмеялась сквозь слезы облегчения. Крис отпустил меня и легонько щелкнул по носу мокрым пальцем.

— Беги давай. И не забудь вытереть нос, а то будешь чихать до утра.

Я посмотрела на свое отражение в луже еще раз. Теперь там отражалась не только я с мокрым телефоном, но и широкая спина уходящего Криса — моя стена, моя защита от всего мира.

Глава 3

Я влетела в холл особняка, оставляя за собой мокрые следы на безупречном мраморном полу. Дом встретил меня гулкой тишиной и прохладой кондиционированного воздуха. Я поежилась, прижимая к груди мертвый телефон, завернутый в подол мокрой толстовки.

Крис был прав. Нужно было срочно найти Итана, пока он не обнаружил лужу у входа и не начал свое фирменное «расследование века». Мой средний брат обладал удивительной способностью находить логическое объяснение любому хаосу, но сам процесс этого поиска мог довести до белого каления кого угодно.

Я взлетела по главной лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Кабинет Итана находился в западном крыле. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель пробивалась полоска теплого света.

— Итан! — позвала я, врываясь в комнату без стука.

Он сидел за огромным столом из темного дерева, окруженный стопками книг и папок с документами. Перед ним мерцали два огромных монитора с какими-то сложными таблицами. На носу сидели очки в тонкой оправе, которые он надевал только когда работал с цифрами или законами. Его каштановые волосы были чуть длиннее, чем у Криса, и сейчас он машинально заправлял за ухо непослушную прядь.

При моем появлении он поднял голову. Его серые глаза — такие же, как у Криса, но в них всегда плясали искорки острого ума — внимательно осмотрели меня с головы до ног.

— Я вижу две вещи, — спокойно произнес он, снимая очки и откладывая их в сторону. — Первая: ты промокла насквозь. Вторая: ты чем-то взбудоражена до состояния легкой паники. Вероятность того, что это связано с Крисом и лужей у входа, составляет 98 процентов.

Я замерла на пороге. Как он это делает? Он не был экстрасенсом, но читал людей как открытые книги.

— Он меня сдал? — выдохнула я.

Итан усмехнулся уголком губ.

— Ему не пришлось. У тебя на лице всё написано. А еще ты держишь в руках то, что раньше было твоим телефоном.

Я подошла к столу и осторожно положила мокрый гаджет на специальную подставку для документов. — Он... он упал в лужу. Я бежала звонить маме и не смотрела под ноги.

Итан вздохнул, но в его вздохе не было ни капли осуждения. Только бесконечное терпение.

— Опять этот «Самый красивый парень» не смотрел по сторонам? — он кивнул на телефон. — Что ж, пациент скорее мертв, чем жив.

Он встал из-за стола — его движения были такими же выверенными и четкими, как и его речь.

— Так, протокол действий следующий. Телефон мы оставляем здесь сохнуть на столе. — А что делать мне? Я же

вся мокрая!

Итан окинул меня оценивающим взглядом.

— Ты сейчас идешь в свою комнату. Там тебя ждет сухой свитер и горячий чай. Я распорядился приготовить его еще час назад, предчувствуя, что кто-то из вас двоих обязательно промокнет или ввяжется в неприятности к вечеру.

Я моргнула от удивления.

— Ты... ты знал?

Он пожал плечами.

— Я не знал. Я предполагал. Это моя работа — просчитывать вероятности.

Он подошел ко мне и аккуратно взял за плечи, разворачивая к двери.

— Иди переодевайся. И выпей чай, пока не простыла. А потом... — он сделал паузу, и его голос стал чуть мягче. — Потом расскажешь мне, почему ты летела домой как ураган под проливным дождем.

Я посмотрела на него с благодарностью. Крис был моей стеной, а Итан — моим компасом. Он не обнимал меня так крепко, как старший брат, но его спокойная уверенность лечила нервы не хуже объятий.

— Спасибо... — прошептала я.

Итан легонько щелкнул меня по носу кончиком пальца — это был наш с ним особый жест еще с детства.

— Не за что, беги.

Я побежала к себе наверх, перепрыгивая через ступеньки.

В комнате действительно ждал теплый кашемировый свитер и чашка ароматного чая с бергамотом на столике у камина. Я стащила с себя мокрую одежду, завернулась в плед и сделала глоток.

Итан был прав: нужно было успокоиться. Телефон — это всего лишь вещь. А вот то, что я должна была рассказать...

Я достала из сумки конверт из Художественной академии, который чудом не намок. Пальцы всё ещё дрожали от холода и волнения, когда я снова развернула письмо.

«Поздравляем с зачислением!»

В этот момент домашний телефон на моем столике вдруг ожил. Старый проводной аппарат с витым шнуром зазвонил резкой, требовательной трелью, которая казалась здесь совершенно неуместной.

Я уставилась на него. Кто мог звонить на стационарный телефон в моей комнате?

С колотящимся сердцем я отставила чашку с чаем и подняла тяжелую трубку.

— Алло?

В трубке раздался родной, чуть уставший, но такой знакомый голос. На заднем плане играла тихая музыка и слышался гул голосов — она всё ещё была на том благотворительном вечере.

— Ливи? Милая! Крис только что написал мне сообщение о том, что ты звонила. Что-то срочное? У тебя всё хорошо?

Слова полились из меня бурным, сбивчивым потоком. Я

рассказала ей всё: и про студию под дождём (опустив детали про утопленный телефон), и про то, как я была счастлива получить письмо... А потом я выдохнула главное:

— Мам... я поступила. В Художественную академию. Я теперь студентка!

На том конце провода повисла короткая пауза. А потом я услышала то, что мечтала услышать весь день. Её смех. Счастливый, звонкий, без тени усталости.

— Господи, Ливи! Почему же ты сразу не сказала? Я так за тебя рада! Это же... это просто чудесно!

Её радость была такой чистой и искренней, что у меня на глаза навернулись слёзы — на этот раз только от счастья.

— Я так и знала, что ты будешь в восторге! — всхлипнула я.

— Конечно! Твой отец... ну, он сначала поворчит для вида, ты же его знаешь. Но он тоже будет гордиться. Он всегда гордится твоим талантом, просто не всегда умеет это показать.

Мы проговорили ещё минут десять. Она расспрашивала меня о программе, о преподавателях... Я чувствовала, как тепло от чая и маминого голоса разливается по всему телу. Положив трубку стационарного телефона, я ещё долго сидела у камина. Мир снова встал на свои места.

Глава 4

Я еще долго сидела у камина, сжимая в руке трубку стационарного телефона. Разговор с мамой согрел меня сильнее, чем горячий чай и свитер брата. Я чувствовала себя окрыленной. Поступление, мамина радость — все это казалось нереальным, сказочным сном.

В коридоре слышались тяжелые, уверенные шаги. Дверь в мою комнату распахнулась без стука. На пороге стоял Крис. Он уже успел переодеться: строгий пиджак сменила простая черная футболка, которая плотно облегла его накачанную фигуру. В руках он держали знакомую белую коробку с логотипом известного бренда.

— Держи, — сказал он, протягивая мне коробку. Его серые глаза смотрели с привычной заботой. — Это тебе. Компенсация за утопленника.

Я встала с кресла, оставив плед на подлокотнике, и взяла коробку.

— Крис... ты не должен был.

— Должен, не должен... — он небрежно пожал широкими плечами. — Ты моя сестра. А Итан сказал, что в том телефоне была важная информация для твоих «антуриумов». Так что это не подарок, а производственная необходимость.

Я не удержалась и рассмеялась. Обогнув его массивную фигуру, я чмокнула его в щеку. Он на мгновение замер, а по-

том его лицо озарила редкая, по-настоящему теплая улыбка.

— Спасибо.

— Не за что, мелкая. Только не утопи и этот, ладно? У меня уже нет сил бегать туда-сюда под дождем.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился в дверях.

— Кстати, Итан уже колдует над твоим старым телефоном. Говорит, что шансы на спасение данных есть. Он перенесет все в новый к утру.

— Он просто гений.

— Он зануда, — фыркнул Крис с нежностью в голосе. — Но полезный зануда. Ладно, я пойду проверю периметр перед приездом предков. Отец не любит сюрпризы.

Он ушел так же стремительно, как и появился, оставив в комнате легкий аромат своего парфюма и ощущение надежности. Я открыла коробку. Внутри лежал новенький смартфон — последняя модель, еще в заводской пленке. Я провела пальцем по гладкому экрану. Крис всегда выбирал самое лучшее.

Я спустилась вниз как раз вовремя. Входная дверь распахнулась, впуская в холл порыв прохладного ночного ветра и голоса родителей. Первой вошла мама. Ее прическа была чуть растрепана после вечера, а в глазах плясали веселые искорки. За ней следовал отец. Майкл выглядел так же безупречно, как и в начале вечера: костюм без единой складки, идеально завязанный галстук. Но я знала этот его взгляд — слегка утомленный и настороженный. Вечер явно дался ему

нелегко.

Я замерла на середине лестницы, не решаясь спуститься. Вдруг вся моя радость показалась мне глупой и детской на фоне его суровой сдержанности.

Но мама заметила меня первой.

— Ливи! Милая! — ее голос был полон нежности. Она сбросила туфли прямо на мраморный пол и раскинула руки в стороны.

Этого приглашения было достаточно. Я сорвалась с места и буквально слетела по оставшимся ступенькам, бросаясь в ее объятия. Она пахла дорогими духами, шампанским и домом. Я уткнулась носом в ее плечо, чувствуя, как напряжение всего дня окончательно отпускает меня.

— Ты вся дрожишь! — мама отстранилась и внимательно посмотрела на меня своими добрыми глазами. — Ты что, опять гуляла под дождем?

Прежде чем я успела ответить, в разговор вступил отец. Его голос был спокойным и глубоким:— Сара, дай девочке отдышаться.

Он подошел к нам медленным, размеренным шагом хозяина этого дома и этого города. Его взгляд скользнул по моему лицу — от мокрых кончиков волос до пижамных штанов, выглядывающих из-под свитера Итана.— Ты выглядишь так, будто тебя кто-то преследовал.

Я выпрямилась, пытаюсь выглядеть взрослее и серьезнее.— Я... я просто была очень рада одной новости.

Отец изогнул бровь — тот самый жест «самого строгого судьи», который я помнила с детства.— Надеюсь, эта новость не связана с очередным нарушением протокола безопасности? Крис! — он повысил голос.

Крис тут же материализовался в холле за моей спиной — мой вечный телохранитель.— Сэр? Все чисто. Никаких нарушителей периметра не обнаружено. Только одна очень мокрая и очень счастливая особа.

Отец перевел тяжелый взгляд с сына на меня.

— Так что за новость?

Мама мягко сжала мою руку в знак поддержки. Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила на одном дыхании:

— Папа! Я поступила! В Художественную академию Сिएтла!

В холле повисла тишина. Она длилась всего пару секунд, но мне они показались вечностью. Лицо отца оставалось непроницаемым маской. А потом он медленно выдохнул через нос — так он делал всегда, когда принимал какое-то важное решение или смирялся с неизбежным.

— Что ж... — его голос звучал ровно, без тени эмоций. — Это... неожиданно.

Мама тихонько хихикнула мне в плечо. «Он гордится», — прошептала она мне на ухо так тихо, что никто, кроме меня, не услышал.

Отец же повернулся к нам спиной и направился к лестнице на второй этаж.

— Итан! — крикнул он на ходу. — Надеюсь, ты уже спас данные с телефона нашей творческой натуры? Мне нужно отправить ей новый график встреч с юристами на завтра. Теперь это будет сложнее координировать...

Он скрылся за поворотом лестницы, но я успела заметить едва заметную тень улыбки на его губах.

Крис легонько толкнул меня плечом:

— Видишь? Он просто ворчит для вида. Ты молодец, мелкая!

Я улыбнулась ему в ответ самой счастливой улыбкой на свете. Моя семья была со мной: Крис — моя стена, Итан — мой разум, мама — мое сердце... А отец? Отец был моим фундаментом. И сегодня я чувствовала его поддержку так же крепко, как мамины объятия.

Глава 5

Кабинет Итана не спал всю ночь. Два горящих монитора отбрасывали причудливые тени на стеллажи с юридическими фолиантами. За огромным столом сидели двое: Итан и Майкл.

Отец, обычно безупречный в любой час, сейчас выглядел немного уставшим. Галстук был ослаблен, а верхние пуговицы белоснежной рубашки расстёгнуты. Он внимательно изучал график на экране, который Итан только что обновил.

— Здесь, — Итан ткнул лазерной указкой в строчку «14:00–16:00», — я добавил окно для студии Оливии. Это не обсуждается. Она не может работать без перерыва. Это приведёт к выгоранию, а нам нужна продуктивность, а не нервный срыв.

Майкл хмыкнул. В этом «хмыке» смешались усталость от бессонной ночи и невольное уважение к железной логике сына.

— Ты говоришь о ней как о ценном активе, а не как о сестре.

Итан снял очки и устало потёр переносицу.

— Я говорю о ней как о человеке, который управляет миллиардным бизнесом. Если она сломается, пострадаем мы все. Поэтому в 14:00 она едет в студию. Охрана будет ждать снаружи. Никаких встреч, никаких звонков. Только холст и

краски.

Отец долго смотрел на сына, затем кивнул.

— Хорошо. Логично. Внеси это в финальный вариант. И добавь ещё полчаса на дорогу до академии по утрам. Пробки никто не отменял.

К семи утра график был готов. Это был шедевр тайм-менеджмента: учёба, работа в офисе (удалённо), управление отелями через ассистента и личное время для творчества. Система была отлажена, как швейцарские часы.

А за окном особняка уже вовсю светило солнце. Сиэтл, уставший от вечного дождя, решил сделать мне подарок — ясное утро. Я проснулась пораньше, и эйфория от вчерашней новости всё ещё бурлила в крови, заставляя сердце биться чаще.

Я не могла лежать в кровати ни минуты. Пижама с нарисованными котиками казалась мне самой подходящей одеждой для такого чудесного дня. Босиком, с растрёпанными после сна волосами, я побежала по коридору.

Комната Криса была в самом конце крыла. Дверь была приоткрыта. Я бесшумно проскользнула внутрь.

Крис спал как убитый. Он лежал на животе, одна рука свесилась с кровати, а лицо было зарыто в подушку. Простыня сбилась в ногах, открывая вид на его мощную спину и татуировку на лопатке — какой-то сложный геометрический узор, который я видела тысячу раз, но никогда не спрашивала о его значении.

Я подкралась к кровати и без лишних церемоний нырнула под одеяло с другой стороны.— Вставай, братец! — громко прошептала я ему прямо в ухо и для верности толкнула кулаком в твёрдое плечо.

Реакция была мгновенной и предсказуемой. Крис не проснулся — он активировался. В одну секунду он перевернулся на спину и сгрёб меня в охапку могучими руками, за-таскивая к себе на грудь.

— Попалась! — прорычал он сонно и тут же начал безжа-лостно щекотать меня за бока.

Я взвизгнула и начала извиваться, пытаюсь вырваться из его железной хватки. Мы покатались по кровати в ворохе подушек и одеял, хохоча как дети.

— Крис! Прекрати! Я... я... сдаюсь! — задыхаясь от смеха, кричала я.

В этот момент в дверь деликатно постучали.

— Войдите! — гаркнул Крис, но щекотку прекратил.

В комнату вошла горничная с подносом. На нём стояли две огромные кружки: одна с дымящимся чёрным кофе (для Криса) и вторая — с густым горячим шоколадом, украшен-ным пышной шапкой маршмело (для меня). Аромат шоко-лада мгновенно заполнил комнату.

Мы переглянулись и расхохотались снова — теперь уже просто от абсурдности ситуации: двое взрослых людей лежат в обнимку на кровати, растрепанные и красные от смеха.

Крис сел, прислонившись спиной к изголовью кровати, и

усадила меня рядом, укрыв нас обоих одеялом по шею. Я обхватила горячую кружку ладонями — это было настоящее блаженство.

— Ну? — Крис сделал глоток кофе и посмотрел на меня поверх кружки своими серыми глазами. — Что у нас за планы на это прекрасное утро? Кроме нападения на спящих людей?

Я улыбнулась ему самой хитрой из своих улыбок.

— Мне нужна твоя помощь.

— Опять во что-то вляпалась? — он картинно нахмурил брови.

— Нет! То есть... да! В хорошее! Я хочу поехать по магазинам!

Крис удивлённо приподнял бровь.

— По магазинам? Ты? Та самая Оливия, которая предпочитает джинсы и толстовки коллекциям от кутюр?

Я кивнула, болтая ногами под одеялом.

— Именно! Мне нужны новые вещи для учёбы! И для студии! Я не могу рисовать свои антуриумы в пижаме с котиками! Мне нужны нормальные джинсы... может быть... пара толстовок... и... — я задумалась. — И что-нибудь красивое! Просто так!

Крис рассмеялся — глубоким, грудным смехом.

— Красивое? Для кого это ты решила принарядиться?

Я почувствовала, как щёки заливает румянец, и поспешно уткнулась носом в маршмело на шоколаде.

— Ни для кого! Просто... хочу!

Крис протянул руку и взъерошил мне волосы так же небрежно, как делал это в детстве.

— Ладно-ладно, не красней так сильно. Я всё понял. «Ни для кого» так «ни для кого». Собирайся. Буду твоим личным водителем и телохранителем по бутикам Сиэтла. Только учти: если увижу что-то слишком откровенное — Крисвето вступает в силу немедленно.

Я пихнула его локтем в бок (безрезультатно — это было всё равно что пихать стену).

— Ты невыносим!

— Но ты меня любишь! — самодовольно заключил он и потянулся за кофе.

И глядя на него — самого красивого парня в моём списке контактов и самого родного человека в мире — я понимала, что он абсолютно прав.

Глава 6

Торговый центр обрушился на меня всей своей звуковой палитрой: гул голосов, приглушённая попса из динамиков, шуршание пакетов и звонкий смех. Это была музыка свободы. Я вдыхала этот воздух полной грудью, чувствуя, как эйфория от поступления всё ещё бурлит в крови. Мне нужно было выплеснуть эту энергию, и шопинг казался идеальным решением.

Крис шёл рядом, возвышаясь над толпой, как утёс посреди бушующего моря. Его лицо было непроницаемой маской вежливого терпения. Я знала этот его взгляд — «Я здесь только потому, что обещал, и если кто-то косо на тебя посмотрит, я его испепелю». Он был моей тенью, моей стеной, и сегодня эта стена была одета в простую чёрную футболку, которая обтягивала его накачанные плечи.

— Смотри! — я вынырнула из-за вешалки с толстовками, сжимая в руках две. На одной был нарисован сонный ленивец с чашкой кофе, на другой — созвездие Большой Медведицы в неоновом свете. — Какая лучше? Для студии или для парковых прогулок?

Крис скользнул по вешалке за моей спиной абсолютно равнодушным взглядом.

— Они все одинаковые, Ливи. Это просто... мешки с рукавами. Какая разница, что на них нарисовано?

Я почувствовала, как внутри поднимается волна праведного возмущения. Он что, издевается?

— Крис, ты серьёзно? Это же искусство! Это самовыражение! Вот эта, — я потрясла толстовкой с ленивцем, — говорит: «Я творческая личность, но я люблю поспать». А эта, — я переключилась на созвездие, — говорит: «Я смотрю на звёзды и мечтаю».

Он даже не улыбнулся. Просто кивнул на ценник:

— А эта говорит: «Я стою пятьдесят баксов». И все они одинаково тёплые.

Боже, он был невыносим! Я фыркнула и выхватила ещё одну — ярко-жёлтую с надписью «*Не мешайте гению работать*».

— Ты просто ничего не понимаешь в моде! Ты ходишь в своих идеальных костюмах, которые все... как там их... од- нолики!

В его серых глазах наконец-то мелькнула искра веселья.

— Я хожу в пиджаках, потому что я лицо строительной компании. Я должен выглядеть надёжно. А не как ходячая афиша мультфильма.

Ага! Попался!

— Прямо как твои пиджаки! Все одинаковые! — я ткнула его пальцем в твёрдое плечо. — Никакого воображения!

Крис театрально схватился за сердце.

— Ты меня ранила в самое сердце, мелкая. Мои пиджаки — это классика. Это как... как хороший коньяк или надёж-

ный фундамент. Они не должны быть яркими. Они должны быть безупречными.

Я победно улыбнулась, сложив руки на груди. Я чувствовала себя гением риторики.— Вот именно! А мои толстовки — это акварель! Это настроение! Это...

Договорить я не успела. Мир вдруг перевернулся и погрузился в мягкую, пахнущую новой тканью темноту. Крис сделал молниеносное движение и натянул на меня через голову толстовку с ленивцем.

— Эй! — мой возмущённый крик прозвучал глухо из-под ткани.

Он рассмеялся — тем самым низким, бархатным смехом, от которого у меня всегда пробегали мурашки.

— Примерь-ка эту «мешковатую» классику. Тебе идёт.

Я с трудом высунула голову из ворота. Мои волосы были в полном беспорядке, а Крис смотрел на меня с такой самодовольной ухмылкой, что я не выдержала и прыснула со смеху. Толстовка была мне велика, рукава свисали до кончиков пальцев, а мордочка ленивца на груди выглядела до смешного сонной.

Я посмотрела на своё отражение в зеркале рядом с вешалкой и не смогла сдержать улыбку.

— Знаешь... ты прав. Она идеальна.

Крис обнял меня огромной рукой за плечи и притянул к себе, прижимая к своему тёплому боку.

— Я всегда прав. А теперь бери ещё парочку таких же

«одинаковых» мешков и пойдём отсюда. У меня уже голова кружится от этого розового света и поп-музыки. Мне срочно нужен кофе и тишина.

Я прижала к груди ещё две толстовки (одну с котиками в космосе и одну с абстрактными мазками) и посмотрела на него снизу вверх.

— Ты лучший брат на свете.

Он легонько взъерошил мне волосы той же рукой, которой обнимал.

— Я знаю, мелкая. Я знаю. Пошли платить за твоё «самовыражение».

И в этот момент я поняла: неважно, что на мне надето — строгий костюм для встречи с юристами или толстовка с ленивцем. Пока у меня есть моя семья, я могу быть кем угодно.

Глава 7

Я вынырнула из отдела с джинсами, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете. Мои руки были заняты пакетами — море новых толстовок, несколько пар идеальных джинсов и даже пара футболок с забавными принтами. Эйфория от покупок смешивалась с радостью от поступления, и мне казалось, что я могу взлететь.

Крис шёл за мной, как верный оруженосец, нагруженный моими трофеями. Его лицо оставалось невозмутимым, но я-то знала: он не жаловался вслух уже целых полчаса, а значит, ему было со мной вполне комфортно.

— Всё, — объявила я, останавливаясь посреди шумного фуд-корта. — Я больше не могу. Мне срочно нужно мороженое.

Крис посмотрел на меня сверху вниз, выгнув бровь.

— Ты же только что пообедала час назад.

— И что? — я сделала самое невинное лицо, на которое была способна. — Я всегда любила мороженое. И ты это знаешь.

Он вздохнул, но в этом вздохе не было ни капли раздражения.

— Знаю. Ты всегда была сладкоежкой. Помню, как в детстве ты могла съесть ведёрко шоколадного пломбира и даже не поморщиться.

Я хитро прищурилась. Вот оно!

— А помнишь, как ты приносил мне его каждое утро? Прямо в кровать?

Уголок его губ дрогнул в улыбке.— Ты была такой маленькой и смешной. Сидела в кровати, вся растрёпанная, и требовала свою «шоколадку». Как я мог отказать?

— Вот! — я победно ткнула его пальцем в бок. — Значит, традиция должна продолжаться! Я хочу поностальгировать. Пожалуйста, братец! Ты же самый добрый!

Я сложила руки в умоляющем жесте и посмотрела на него своими самыми большими и жалобными глазами. Крис закатил глаза, но я видела, что он уже сдался.— Ты меня без ножа режешь. Ладно. Куда тебя отвести? В то место с гигантскими порциями и карамелью?

— Да! Туда! — я запрыгала на месте от радости, пакеты в моих руках зашуршали.

Мы нашли свободный столик у окна, и Крис отправился делать заказ. Я сидела и смотрела на него. Мой старший брат, «Самый красивый парень» в моём списке контактов, сейчас стоял в очереди за десертом, окружённый толпой обычных людей, и никто из них не знал, что этот высокий, накачанный мужчина с каштановыми волосами и глубокими серыми глазами — один из самых влиятельных людей в Сиэтле. Для них он был просто посетителем кафе.

Он вернулся через пару минут, неся в руках два огромных рожка. Мой был щедро полит шоколадным сиропом и посы-

пан шоколадной стружкой. От одного вида у меня потекли слюнки.

Я тут же вгрызлась в холодное лакомство, чувствуя, как сладкий вкус детства наполняет рот.

— М-м-м! Крис, ты лучший!

Он сел напротив и с лёгкой усмешкой наблюдал за мной.

— Только не испачкай нос, как в прошлый раз.

Я показала ему язык и демонстративно вытерла каплю мороженого тыльной стороной ладони.

— Не дождёшься! Я уже взрослая!

Мы сидели у окна, ели мороженое и смотрели на суету торгового центра внизу. Пакеты с новыми вещами стояли у наших ног. В этот момент я чувствовала себя абсолютно счастливой. Не наследницей империи, не художницей *Anthurium*, а просто девушкой, которая гуляет со своим старшим братом и ест мороженое. И это было лучшее чувство на свете.

Глава 8

Прекрасное утро с Крисом подошло к концу. Он отвёз меня домой, поцеловал в макушку на прощание и, пообещав скоро вернуться, уехал в свой офис. Я знала, что у него там важное совещание. Крис всегда очень много работал, строил свою империю буквально по кирпичику, как и подобает владельцу строительной фирмы. Но что меня всегда поражало — он каким-то чудом всегда находил время для меня. Для наших дурацких прогулок, для мороженого, для того, чтобы просто быть рядом.

Я закинула пакеты с обновками в шкаф, на ходу сбросила одежду и быстро ополоснулась в душе, смывая с себя усталость от шопинга и радость от покупок. Рабочий день никто не отменял. Владелец отелей не имеет выходных.

Натянув на себя строгий брючный костюм (удобный, но элегантный — мой личный компромисс между комфортом и статусом), я отправилась в свой кабинет. Он находился здесь же, на втором этаже особняка, прямо по соседству с цитаделью разума — кабинетом Итана. Двери были почти всегда открыты, создавая ощущение единого рабочего пространства.

Я села за свой массивный стол из красного дерева. На нём уже лежала аккуратная стопка документов. Не успела я включить компьютер, как в дверном проёме показался Итан.

В руках он держал два картонных стаканчика из *Starbucks*. — Держи. Твой любимый латте без сахара. Судя по твоему виду, тебе это понадобится.

Я с благодарной улыбкой взяла стаканчик. — Ты читаешь мои мысли. — Я читаю отчёты о твоём графике сна, — невозможно парировал он, ставя передо мной папку с документами. — Ты легла в три ночи. А встала в семь. Математика проста.

И началась моя вторая жизнь.

Я погрузилась в мир цифр и аналитики. Мой личный ассистент, Эмили (милейшая и строжайшая женщина в одном лице), не давала мне скучать ни минуты. Мы вели бесконечные созвоны: — Эмили, проверь бронь в «*Ситл Палас*». У нас там должна быть делегация из Токио. — Да, мисс Оливия. Они уже выехали из аэропорта. — Отлично. Свяжись с шеф-поваром, пусть подготовит вегетарианское меню. И напomini флористам про орхидеи в президентский люкс.

Я подписывала контракты на закупку постельного белья для всей сети, утверждала дизайн-проект реновации отеля в центре города и разбирала жалобу гостя на слишком жёсткую подушку (Итан, проходя мимо, лишь покачал головой на это).

Это был мой мир — мир безупречного сервиса, где каждая деталь имела значение. Мир, который я любила за его порядок и предсказуемость. Он был полной противоположностью хаосу красок в моей студии.

Ближе к шести вечера последний отчёт был закрыт, последняя подпись поставлена. Я откинулась на спинку кресла и с наслаждением потянулась. Голова гудела от цифр.

Рабочий день был окончен.

Я выскочила из своего кабинета и буквально ворвалась к Итану. Он даже не поднял головы от монитора, лишь слегка повернул кресло в мою сторону.— Ты закончила? — спросил он, не отрывая взгляда от экрана.

— Закончила! — объявила я. — И теперь ты идёшь со мной гулять!

Итан вздохнул и наконец посмотрел на меня поверх очков.— Ливи, я тут пытаюсь составить график твоих встреч на завтра...

— Никаких графиков! — я перегнулась через его стол и закрыла крышку его ноутбука. — Ты и так просидел здесь весь день! Тебе нужен свежий воздух! И маршмел... то есть, прогулка!

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его серых глазах плясали знакомые искорки иронии.— Ты невыносима.

— Я твоя сестра! Это моя обязанность — быть невыносимой! Вставай! Мы идём в парк!

Итан снова вздохнул, но на этот раз в его вздохе слышалось смирение.— Дай мне пять минут переодеться. И только попробуй убежать без меня — я добавлю к твоему графику ещё три встречи с юристами.

Я показала ему язык и побежала к лестнице, крикнув на ходу:— Поторопись, «Самый добрый»! Я хочу успеть посмотреть на закат!

Глава 9

Парк встретил нас прохладой и запахом влажной земли. Мы с Итаном шли по аллее, и под нашими ногами шуршала опавшая листва. Никакой охраны, никаких папарацци, никаких ассистентов. Только мы вдвоём. Это было редкое и ценное ощущение — быть просто братом и сестрой, а не наследниками империи.

Мы прихватили с собой мягкий шерстяной плед и плетёную корзинку для пикника, которую собрала нам кухарка. В ней лежали сэндвичи, термос с горячим чаем и пара яблок. Идеальный набор для отдыха в последние дни августа.

Найдя тихую полянку, укрытую от посторонних глаз раскидистым дубом, я расстелила плед. Итан, как истинный джентльмен, помог мне устроиться, а сам сел рядом, скрестив ноги по-турецки.

Я тут же завалилась на плед, подложив под спину маленькую подушку, которую захватила из дома. В одной руке у меня уже был блокнот для эскизов и любимый карандаш.

Итан же, едва сев, извлёк из своей сумки папку с отчётами. Я застонала.

— Серьёзно? Итан, мы же на отдыхе! Убери работу хоть на минуту.

Он даже не поднял глаз, лишь перелистнул страницу.

— Ливи, это не отдых, это смена обстановки. Я могу ра-

ботать где угодно.

Я надула щёки и начала бубнить, зная, что это бесполезно, но не в силах удержаться:

— Ты всегда был таким. Даже в детстве. Пока мы с Крисом носились по саду в догонялки или строили крепость из подушек, ты сидел в углу и читал книжки. Явно не по возрасту! Помнишь ту огромную энциклопедию про динозавров? Тебе было семь!

Итан наконец оторвался от бумаг и посмотрел на меня с мягкой, снисходительной улыбкой.

— Я должен был знать, как защищаться от тираннозавра, которого вы с Крисом постоянно на меня натравливали.

Я фыркнула. Спорить с его логикой было невозможно. Он всегда был таким — разумный, собранный, мыслящий на три шага вперёд.

Поняв, что оторвать его от цифр сегодня не выйдет, я вздохнула и смирилась со своей участью наблюдателя.

— Ладно... работай.

Я открыла чистый лист блокнота. Что ж, если он не хочет быть моделью для отдыха, он будет моделью для работы.

Я взяла в руки карандаш и начала делать набросок. Его строгий профиль был передо мной как на ладони: чуть нахмуренные брови, сосредоточенный взгляд серых глаз, бегающий по строчкам, упрямый подбородок. Свет заходящего солнца падал сбоку, очерчивая его скулы и касаясь пряди каштановых волос, выбившейся из идеального пробора.

Я рисовала его таким, каким он был сейчас — «голом разума», поглощённым цифрами и планами. Карандаш мягко скользил по бумаге, перенося на лист его сосредоточенность и внутреннюю силу. Я добавила тени под глазами — следы бессонной ночи над моим графиком — и лёгкую складку между бровей.

— Что ты там рисуешь? — спросил он через несколько минут, не поднимая головы.

— Твой портрет под названием «Самый добрый парень в мире убивает себя работой», — съязвила я.

Итан хмыкнул и наконец-то отложил папку в сторону. Он повернулся ко мне и заглянул в блокнот. — Хм... Похоже. У меня есть эта складка?

— Ещё какая. И мешки под глазами.

Он лёг рядом со мной на плед, закинув руки за голову, и мы оба уставились в небо сквозь ветви дуба.

— Ты ведь знаешь, что я делаю это не потому, что я трудоголик? — тихо спросил он.

Я отложила карандаш и повернулась к нему.

— А почему?

— Потому что я люблю тебя. И хочу, чтобы у тебя всё было идеально. Чтобы ты могла и учиться, и рисовать свои антуриумы... и просто жить. Без хаоса.

Я улыбнулась и легонько толкнула его плечом.

— Ты лучший брат на свете.

Он улыбнулся в ответ — той самой редкой, настоящей

улыбкой «Самого доброго».

— Я знаю. А теперь дай мне посмотреть на мешки под глазами в твоём исполнении ещё раз.

Глава 10

Понедельник обрушился на меня, как холодный душ, но это был самый приятный и бодрящий душ в моей жизни. Я проснулась ещё до рассвета, когда дом был погружён в сонную тишину. Сердце колотилось где-то в горле, смешивая в дикий коктейль панику и невероятное вдохновение. Это был он — мой первый день в художке.

Я вскочила с кровати и подбежала к шкафу. На вешалке висела она — та самая толстовка с ленивцем и чашкой кофе, которую Крис выбрал для меня вчера. Я улыбнулась. Мой брат-телохранитель, моя опора, обладал удивительным талантом видеть суть вещей. Эта толстовка была не просто одеждой, она была моим талисманом на сегодня. «Творческая личность, но любит поспать» — идеально описывает любого студента-художника перед первой парой.

Я быстро натянула толстовку, любимые джинсы и собрала волосы в небрежный хвост. Я босиком побежала по коридору к комнате Криса.

Дверь была приоткрыта. Я заглянула внутрь. Брат уже не спал. Он стоял посреди комнаты в одних брюках, а его накачанная спина была обращена ко мне. Он как раз надевал белоснежную рубашку, и я невольно залюбовалась игрой мышц под загорелой кожей.

— Крис? — тихо позвала я.

Он обернулся, ловко застёгивая запонку на манжете. Его серые глаза были ясными и бодрыми — он всегда вставал рано.

— Ливи? Ты чего в такую рань? И почему ты босиком? Полы холодные.

Я проигнорировала его ворчание и шагнула в комнату.

— Это мой первый день! Я так нервничаю! И... испытываю невероятное вдохновение! — я закружилась на месте. — Смотри, я надела твою толстовку!

Крис усмехнулся, его взгляд потеплел.

— Вижу. Тебе идёт. Хотя она тебе всё равно велика.

— Это стиль! — парировала я. — Слушай... Крис... — я подошла ближе и умоляюще заглянула ему в глаза. — Отвези меня сегодня в академию, а? Пожалуйста! Это же мой самый первый день! Я хочу, чтобы именно ты был рядом, когда я сделаю этот шаг.

Он замер на секунду, держа в руках пиджак. Его лицо стало серьёзным. Он видел моё волнение, мой страх и мою надежду. Для него это был не просто развоз сестры по делам. Это было важное событие.

Крис вздохнул, но это был не вздох усталости, а вздох принятия. — Ты же знаешь, что я не могу тебе отказать.

Я подпрыгнула от радости и повисла у него на шее.

— Спасибо! Ты лучший!

— Знаю, мелкая, знаю, — он обнял меня одной рукой, а второй потрепал по голове.

— Только давай без этих телячьих нежностей, а то я на работу опоздаю. Иди обувайся. И возьми с собой термос с кофе, который Итан тебе оставил на кухне. У тебя руки дрожат от волнения.

Я отстранилась, сияя от счастья.

— Ты прав! Он опять всё знает!

— Он просто умный зануда, — фыркнул Крис, надевая пиджак и приглаживая волосы перед зеркалом. — А теперь беги собираться. У тебя есть пятнадцать минут.

Я побежала обратно к себе, схватила рюкзак и термос с кофе. Пятнадцать минут спустя я уже сидела на пассажирском сиденье его огромного чёрного внедорожника. Город за окном только начинал просыпаться.

Крис вырулил на дорогу.

— Ну что, готова стать звездой академии?

Я сделала глоток горячего кофе и посмотрела на брата.

— Готова!

Глава 11

Я попросила брата припарковать машину не на студенческой стоянке, а в соседнем переулке, за углом старого книжного магазина.— Здесь нас точно никто не увидит из академии, — прошептала я, словно нас могли подслушать даже в пустой машине.

Крис молча кивнул и свернул, куда я просила. Он всё понимал. Для него это был не просто каприз. Это была необходимость. Меньше глаз — меньше рисков. Меньше шансов, что кто-то сложит два и два и узнает, кто такая Оливия Джонс на самом деле.

Но когда он заглушил двигатель, я вдруг почувствовала, как волна паники накрывает меня с головой. Я сидела, вцепившись в ремень безопасности, и смотрела на массивные двери академии через лобовое стекло. Они казались мне воротами в другой мир.

— Крис... — мой голос дрогнул.

Он тут же повернулся ко мне. Его серые глаза, обычно сканирующие периметр на предмет угроз, теперь смотрели только на меня, полные заботы.— Что такое, мелкая?

— Проводи меня до дверей, пожалуйста... — я умоляюще посмотрела на него. — Я просто... я очень нервничаю.

Он не стал шутить или говорить, что я веду себя как ребёнок. Он просто кивнул.

— Конечно.

Он вышел из машины, обошёл её и открыл мою дверь, подав руку. Его ладонь была огромной и тёплой — моя личная гарантия безопасности.

Мы пошли к академии. Я чувствовала себя странно: в простой толстовке и джинсах, без охраны по бокам, но с самым надёжным человеком в мире рядом. Студенты, спешащие на занятия, бросали на нас любопытные взгляды. Вернее, на него. Высокий, накачанный парень с лицом модели и повадками телохранителя привлекал внимание. Но никто не знал, что он здесь, чтобы просто поцеловать сестру на прощание.

У самых дверей я остановилась. Я поднялась на цыпочки и быстро чмокнула его в гладко выбритую щёку.

— Спасибо. За всё.

Крис улыбнулся своей редкой, мягкой улыбкой.

— Удачи, мелкая. Покажи им всем свой талант.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок. А потом, не давая себе времени передумать, я развернулась и побежала вверх по ступеням. Дверь академии захлопнулась за моей спиной с глухим стуком, отрезая меня от внешнего мира и от Криса.

И тут я замерла.

Меня ждала совершенно другая атмосфера.

Это был другой мир. Воздух здесь пах иначе: не дорогим парфюмом и полиролью для дерева, как в особняке, а скипидаром, сырой глиной, старой бумагой и кофе. Гул голосов

здесь был другим — не деловым шепотом о контрактах, а взволнованным гулом творческих дискуссий.

Я стояла в огромном холле с высоким потолком. Стены были увешаны пробными набросками, эскизами и плакатами. Повсюду сновали люди: кто-то нёс подрамники размером с самого себя, кто-то размахивал кистями, обсуждая палитру. Девочка с ярко-розовыми волосами громко смеялась над шуткой парня с пирсингом в носу. Никто не смотрел на меня оценивающе или с завистью. Здесь всем было плевать на статус и деньги. Здесь ценился только талант.

Моё сердце перестало колотиться от страха и начало биться от восторга. Я вдохнула этот запах творчества полной грудью. Я была дома.

глава 12

Мой первый день в академии был похож на американские горки, которые запустили на максимальной скорости. Он был наполнен такой кучей эмоций, что к вечеру я чувствовала себя совершенно опустошённой, но при этом невероятно живой. Это было странное, пьянящее сочетание страха и восторга. Страх сделать что-то не так, оказаться бездарностью среди талантов, и восторг от того, что я наконец-то на своём месте, дышу одним воздухом с такими же одержимыми искусством людьми.

Я даже познакомилась с двумя девочками — Элис и Мирандой. Они сели рядом со мной на лекции по истории искусств и тут же втянули меня в свой мир. Они были чем-то неуловимо похожи на меня: такие же шумные, жизнерадостные и катастрофически неуклюжие. Элис умудрилась пролить кофе на свой эскиз на первой же минуте перерыва, а Миранда постоянно теряла то карандаш, то ластик.

Элис, кстати, оказалась очень наблюдательной. Она видела, как Крис провожал меня до дверей академии. — Это твой парень? — спросила она с неприкрытым любопытством, кивая в сторону окна. — Он такой... внушительный. Прямо как телохранитель какой-нибудь звезды.

Я не смогла сдержать смех, который вырвался из меня звонким колокольчиком. — Нет, что ты! Это мой брат. Про-

сто он у нас... гиперзаботливый.

Я не стала вдаваться в подробности и объяснять всю сложность нашей ситуации. Зачем им знать о «Хрустальном цветке» и миллиардах? Здесь я была просто Оливией, студенткой-первокурсницей.

После занятий я решила нарушить привычный распорядок. Сегодня я не поехала в свою тайную студию. Мне захотелось побыть одной, переварить этот сумасшедший день. Я села на паром, который шёл через залив, и отправилась кататься, куда глаза глядят.

Я устроилась на открытой палубе, на ветру. Передо мной раскинулся потрясающий пейзаж: очертания Сиэтла на фоне заката, блики солнца на воде, парящие в небе чайки. Я достала блокнот и начала рисовать. Карандаш летал по бумаге, запечатлевая игру света и тени, шум воды успокаивал, а свежий воздух прочищал голову.

Я полностью погрузилась в процесс, растворилась в нём. Шум города остался где-то далеко позади.

Вдруг на мой рисунок упала чья-то тень. Широкая, длинная тень, которая безжалостно перекрыла мне весь обзор на горизонт.

— Эй! — возмущённо воскликнула я, не поднимая головы. — Вы загораживаете свет! Я тут вообще-то работаю!

Тень не сдвинулась с места. Я раздражённо отложила карандаш и резко подняла голову вверх, готовая высказать всё, что думаю о невоспитанных людях.

И замерла.

На меня смотрел он.

Силуэт незнакомца чем-то напоминал Криса. Он был таким же высоким и мускулистым, с широкими плечами, которые не могла скрыть даже простая серая футболка. Его каштановые волосы были немного длиннее, чем у моего брата, и небрежно падали на лоб. Но главное — его руки. От запястий до самых плеч они были покрыты плотным ковром татуировок. Я успела разглядеть имена: «*Ван Гог*», «*Моне*», «*Боб Дилан*»... Это была целая галерея его кумиров.

Мой взгляд скользил по цветным линиям на его коже, пока не наткнулся на одно имя, написанное знакомым каллиграфическим шрифтом.

Anthurium.

Мой творческий псевдоним.

Я смотрела на это имя на его руке, чувствуя, как сердце пропускает удар, а потом начинает биться где-то в горле. Мир вокруг словно замедлился. Шум парома, крики чаек — всё отошло на второй план.

Он заметил мой взгляд и усмехнулся — криво, обаятельно и немного дерзко.

— Так вот кто скрывается за этим ником? А я-то думал, это какой-нибудь старый бородатый профессор из Европы.

Я опешила от удивления и могла лишь молча смотреть на него, чувствуя, как щёки начинают гореть румянцем.

Глава 13

Я наконец обрела дар речи. Ну, или хотя бы его подобие.

— Но... как ты понял, что я — *Anthurium*?

Он не ответил сразу. Вместо этого он присел на корточки рядом со мной, чтобы быть на одном уровне. Его движения были плавными и уверенными. Он бросил короткий взгляд на мой блокнот, лежавший на плече.

— Всё очень просто, — наконец сказал он, и в его серо-зелёных глазах заплясали озорные искорки. — Я слежу за творчеством *Anthurium* уже три года. И у тебя такие же штрихи. А почерк художника уникален. Это как отпечатки пальцев.

Я моргнула, совершенно сбита с толку. Он что, сравнивал мои работы с тем, что я рисовала прямо сейчас? Это было... неожиданно и странно льстило.

— Но на самом деле, — продолжил он, и его улыбка стала шире, обнажая край белоснежных зубов, — это была лишь теория. Которую ты сама подтвердила. Твоя реакция была красноречивее любых признаний.

Я почувствовала, как к щекам приливает жар. Он поймал меня. Обвёл вокруг пальца с такой элегантной простотой, что я не могла даже злиться. Только восхищаться его пронизательностью.

Повисла короткая пауза, наполненная шумом воды и гу-

лом парома. Он не сводил с меня взгляда, ожидая чего-то.

— Меня зовут Дилан, — сказал он, нарушая тишину. Голос его стал мягче, утратив нотки иронии. Он протянул мне руку — большую, с длинными пальцами художника, которые я только что разглядывала.

Я секунду помедлила, глядя на его ладонь. В этом жесте было что-то очень простое и искреннее. Никакого пафоса, никаких попыток произвести впечатление богатством или статусом. Просто знакомство двух людей.

Я вложила свою ладонь в его.

— Оливия.

Его рукопожатие было крепким, но бережным. Он не пытался сдавить мне пальцы, как это делали некоторые парни, пытаясь показать свою силу. Он просто держал мою руку ровно столько, сколько требовал этикет, а потом отпустил.

— Приятно познакомиться, Оливия. Или мне всё же называть тебя *Anthurium*?

Я не смогла сдержать улыбку. Он был дерзким, самоуверенным и невероятно обаятельным.

— Для тебя я просто Оливия.

Глава 14

Мы сидели на палубе, и время, казалось, остановилось. Паром мерно покачивался на волнах, шум воды стал фоном для нашего разговора. Мы говорили об искусстве. Не просто болтали, а именно говорили — увлечённо, взахлёб. О картинах, которые перевернули наше представление о цвете, о скульптурах, которые, казалось, дышали под пальцами мастера. Я рассказывала ему о своих любимых техниках, а он с горящими глазами объяснял мне, как ритм в музыке можно перенести на холст мазками кисти.

Я узнала, что он музыкант. Это объясняло и его страсть к эмоциям, и татуировки на руках.

— Это мои кумиры, — сказал он, легко касаясь пальцами цветных линий на коже.

— Люди, чьим творчеством я восхищён. Они научили меня чувствовать.

В этот момент идиллия была нарушена. Мой телефон, лежавший на пледе рядом с блокнотом, завибрировал. На экране высветилось имя: «Самый красивый парень».

Звонок от Криса. Сердце тут же пропустило удар. Я виновато посмотрела на Дилана и быстро ответила на звонок.

— Да, Крис? — мой голос прозвучал слишком громко и неестественно бодро.

В трубке повисла короткая пауза, а затем голос брата про-

звучал холодно и требовательно. В нём не было ни капли привычной теплоты.

— Ливи. Ты где? Почему тебя нет в студии? Я волнуюсь. Я прикусила губу.

— Я... я устала после первого дня в академии. Решила покататься на пароме, проветрить голову.

— Ты должна была быть в студии, — отрезал он. Его тон не терпел возражений. — Ты знаешь правила. Это небезопасно.

— Крис, я же не маленькая! — я почувствовала, как внутри поднимается волна раздражения. — Я просто...

— Я жду тебя дома, — перебил он меня ледяным тоном. — Немедленно возвращайся.

Короткие гудки возвестили об окончании разговора. Он даже не дал мне шанса возразить. Просто поставил перед фактом.

Я медленно опустила телефон и посмотрела на Дилана. Его улыбка исчезла. Взгляд стал серьёзным и немного настроженным. — Проблемы? — спросил он тихо.

— Семейные дела, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой и жалкой. Настроение было безвозвратно испорчено.

Дилан понимающе кивнул. Он поднялся на ноги одним плавным движением. — Мне тоже пора. Было... очень интересно познакомиться с тобой, Оливия. И с *Anthurium*, конечно же.

Он не стал дожидаться ответа. Просто развернулся и направился к выходу с палубы, растворяясь в толпе пассажиров так же быстро, как и появился. Я осталась сидеть одна, сжимая в руках телефон и чувствуя странную пустоту.

Домой я ехала в подавленном настроении. Эйфория от дня в академии и знакомства с Диланом сменилась глухим раздражением и чувством вины. Я знала, что меня ждёт.

И я не ошиблась.

Особняк встретил меня гнетущей тишиной. В холле меня ждали оба брата. Крис стоял, скрестив руки на груди, его лицо было каменной маской неодобрения. Итан стоял рядом, его поза была более расслабленной, но взгляд был полон укоризны.

— Ну? — голос Криса разрезал тишину, как нож. — И где же ты была?

— Я же сказала! На пароме! — я бросила рюкзак на пол. — Я не обязана отчитываться за каждую минуту своей жизни!

— Обязана! — рявкнул Крис так, что я вздрогнула. Он никогда не повышал на меня голос. — Ты не обычная девушка! Ты — мишень! А ты просто взяла и ушла гулять одна!

Итан мягко коснулся плеча Криса, пытаясь его успокоить.

— Ливи, мы просто волновались. Крис прав насчёт безопасности.

Я посмотрела на их строгие лица — одно суровое, другое мягкое, но оба непреклонные — и почувствовала, как на

глаза наворачиваются слёзы обиды.— Вы... вы обращаетесь со мной как с вещью! Я хочу жить! По-настоящему!

Не дожидаясь ответа, я развернулась и побежала вверх по лестнице в свою комнату, громко хлопнув дверью. За ней осталась тишина, полная невысказанных слов и взаимного непонимания.

Глава 15

Я заперла дверь в свою комнату на замок, словно он мог защитить меня от разочарования и обиды, которые жгли изнутри. Я бросилась на кровать, уткнувшись лицом в подушку, и дала волю слезам. Я редела — громко, надрывно, по-детски. Мне было больно и обидно.

Крис никогда на меня не кричал. Никогда. Даже когда я в детстве разрисовала его любимый пиджак фломастерами, он лишь вздохнул и сказал, что я талантливая, но непослушная. А сегодня... сегодня его голос был холодным, как лёд. Он отчитал меня, как провинившегося ребёнка. И это ранило сильнее всего.

Мне было так обидно, что я не хотела даже разговаривать с ним. Я хотела, чтобы он почувствовал то же удущье, что и я.

В дверь тихо постучали. Я замерла, надеясь, что стук мне послышался или что посетитель уйдёт. Но стук повторился, уже более настойчиво и в то же время мягко.— Ливи? Милая? Это я.

Голос мамы. Я шмыгнула носом, вытерла слёзы тыльной стороной ладони, но не встала. Дверь скрипнула — она воспользовалась своим ключом. Мама вошла в комнату, тихо прикрыла за собой дверь и остановилась, глядя на меня с невыразимой нежностью и грустью.

Я села на кровати, обхватив колени руками, и снова почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она подошла и села рядом, а затем просто раскрыла объятия. И этого было достаточно. Я бросилась к ней, как в детстве, и зарылась лицом в её плечо. Она гладила меня по волосам, шепча успокаивающие слова.

— Тише, милая... Тише. Он не хотел кричать. Крис просто... очень волнуется.

— Он говорил со мной как с преступницей! — всхлипнула я, вдыхая родной запах её духов. — Я не могу так жить! Я не могу вечно сидеть в золотой клетке!

Мама молчала, продолжая гладить меня по голове, давая мне выплакаться.— Мне нужен воздух! — продолжала я, и слова лились из меня потоком. — Я задыхаюсь! Почему я не могу просто быть собой? Почему я не могу быть как все?

Я отстранилась и посмотрела на неё заплаканными глазами.— Ведь всё равно никто не знает! Никто! Для всех там, в академии, я просто девочка. Просто студентка. Никто не знает, кто мои родители. Никто не знает, что я наследница империи! Для них я просто... Оливия Джонс. Студентка первого курса.

Я произнесла это имя как заклинание. *Оливия Джонс*. Звучало так... обычно. Так по-настоящему.

Мама вытерла слезу с моей щеки.

— Я понимаю, родная. Я понимаю тебя как никто другой. Но пойми и ты их. Твой отец и братья... они любят тебя так

сильно, что этот страх за тебя парализует их разум. Они боятся потерять тебя.

Её слова были бальзамом на мою израненную душу, но обида всё ещё тлела внутри.

— Но я не могу провести всю жизнь, прячась от собственной тени.

— Ты и не будешь, — мама посмотрела мне прямо в глаза твёрдым, уверенным взглядом. — Мы найдём способ. Мы научимся доверять тебе немного больше. А ты научишься быть осторожнее.

Она обняла меня ещё крепче.

— Ты не пленница, Ливи. Ты наша дочь. И мы хотим, чтобы ты была счастлива.

Я прижалась к ней, чувствуя, как слёзы высыхают. В её объятиях было безопасно. В них я была просто любимой дочерью.

Глава 16

Я успокоилась в объятиях мамы. Её тепло и тихий, успокаивающий голос были как бальзам на мои израненные обидой чувства. Она не пыталась читать нотаций, она просто была рядом. Поцеловав меня в лоб, она ушла, оставив после себя ощущение хрупкой надежды.

Прошло, наверное, минут десять. Дверь в мою комнату снова скрипнула. Я напряглась, ожидая худшего. Но это был не отец с очередным выговором.

На пороге стоял Крис. В его огромной руке был зажат контейнер с моим любимым шоколадным мороженым — тем самым, из детства. Его серые глаза, обычно такие уверенные и жёсткие, сейчас смотрели на меня с неприкрытой виной и тревогой.

— Ливи... — его голос был тихим, почти шёпотом. — Я принёс мир.

Он протянул мне контейнер. Жест был таким знакомым, таким родным. В любой другой день я бы бросилась ему на шею, забыв все обиды. Но не сегодня. Боль от его крика всё ещё была слишком свежа, слишком остра.

Я любила брата больше жизни. Но в этот момент я не хотела с ним разговаривать. Мне было больно.

— Уходи, Крис, — мой голос прозвучал глухо и холодно, совсем не похоже на мой обычный тон.

Он сделал шаг в комнату.— Ливи, послушай... Я был резок. Я не должен был кричать. Я просто... я испугался. Когда ты не пришла в студию, я представил себе худшее.

Он говорил правильные слова. Слова, которые я хотела услышать. Но они не могли отменить того факта, что он на меня накричал.

Я встала с кровати. Слезы высохли, оставив после себя лишь глухое раздражение и решимость.

— Я сказала: уходи.

Я подошла к нему и, упёршись ладонями в его твёрдую грудь, попыталась вытолкнуть эту гору мышц из комнаты.

— Дай мне побыть одной! Ты уже достаточно наговорил!

Крис не сдвинулся с места. Он стоял как скала, позволяя мне бить его кулачками по груди. Он мог бы перехватить мои руки одним движением, но он этого не сделал. Он просто стоял и принимал мой гнев.

— Ты злишься, — констатировал он очевидный факт. В его голосе не было ни злости, ни обиды в ответ. Только бесконечное терпение.

— Да! Я злюсь! Потому что ты обращаешься со мной как с вещью!

Мой голос сорвался на крик. Я снова ударила его по груди, на этот раз со всей силы, но это было всё равно что бить по бетону.

И тогда Крис сделал то, чего я никак не ожидала. Он перехватил мою руку — не грубо, а мягко — и прижал мою

ладонь к своей груди. Прямо над сердцем.

Я замерла. Под моей ладонью бешено колотилось его сердце.

— Чувствуешь? — тихо спросил он. — Оно билось так же быстро сегодня днём. Не от усталости от беготни по стройке. От страха за тебя.

Я подняла на него глаза. Его лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую морщинку усталости в уголках его глаз.

— Ты — самое дорогое, что у нас есть, мелкая, — прошептал он так тихо, что я едва расслышала. — Ты — наш хрустальный цветок. И мы боимся, что ты разобьёшься.

В его голосе не было больше холода или стали. В нём была только безграничная любовь и страх потери.

Я смотрела на него ещё несколько секунд, а потом обмякла. Вся моя решимость растаяла, как мороженое в контейнере, который я всё ещё держала в другой руке.

Крис тут же обнял меня свободной рукой, притягивая к себе в огромное, надёжное объятие. Я уткнулась носом в его футболку и вдохнула родной запах — запах дома и безопасности.

— Прости меня... — прошептал он мне в макушку.

Я ничего не ответила. Просто обняла его в ответ так крепко, как только могла.

Глава 17

Утро после отвратительного вечера встретило меня бледным светом осеннего солнца, пробивающимся сквозь шторы. Голова была тяжёлой от слёз, но внутри, где вчера жила обида, теперь поселилась холодная решимость. Я больше не была маленькой девочкой, которую можно отчитать и отправить в свою комнату. Я была Оливией Джонс, студенткой первого курса, и я требовала своего права на жизнь.

Я наспех умылась, надела первые попавшиеся джинсы и толстовку (не ту, что выбрал Крис, а другую, с абстрактным принтом — мой собственный выбор) и твёрдым шагом направилась в кабинет Итана. Я знала, что найду его там. Владелец юридической фирмы не имеет выходных.

Дверь была, как всегда, приоткрыта. Я вошла без стука. Итан сидел за своим столом из красного дерева, окружённый стопками документов. Два монитора светились перед ним, а сам он был погружён в чтение какого-то сложного контракта. Он даже не поднял головы.

— Ливи? Ты рано. Что-то случилось?

Его голос был спокоен и деловит. Он ещё не знал о вчерашнем скандале.

— Да, случилось, — мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Мне нужно изменить моё расписание.

Итан наконец оторвался от бумаг и посмотрел на меня по-

верх очков. Его взгляд скользнул по моему лицу, и он, видимо, заметил следы вчерашних слёз и упрямо сжатые губы. Он молча отложил ручку и жестом указал на кресло для посетителей.

— Слушаю.

Я села на край кресла, выпрямив спину. Я не собиралась мямлить или просить. Я пришла требовать.

— В моём расписании нет свободы. В нём есть учёба, сделки, встречи с юристами и время на студию. Но в нём нет жизни.

Итан изогнул бровь — его фирменный жест «я слушаю, но ты меня не убедила».

— Продолжай.

— Я требую добавить в график прогулки в парке. Катание на пароме. Время на то, чтобы просто посидеть на скамейке и съесть мороженое! — я почти кричала. — Я не могу быть роботом! Я задыхаюсь!

Итан слушал меня внимательно, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Ливи, мы пытаемся защитить тебя...

— Я знаю! — перебила я его.

— Вы пытаетесь! Но ваша защита превращается в тюрьму! Вчера Крис кричал на меня так, будто я совершила преступление! А я всего лишь решила подышать воздухом после первого дня в академии!

Я подошла к его столу и упёрлась ладонями в гладкую поверхность.

— Я была непреклонна. Послушай меня, Итан. Я требую это не как капризная девчонка. Я требую это как человек, который управляет миллиардным бизнесом и при этом хочет сохранить рассудок. Если вы не дадите мне воздуха, я просто сломаюсь. И тогда ваши графики и системы безопасности не будут стоить ничего.

В кабинете повисла тишина. Итан снял очки и устало потёр переносицу. Он смотрел на меня долго, очень долго, словно взвешивая мои слова на невидимых весах.

Наконец он вздохнул.

— Садись.

Я села обратно в кресло, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Ты права, — неожиданно сказал он. Его голос звучал ровно, без эмоций. — Логика твоих требований безупречна. Человеку для продуктивности необходимы перерывы и смена деятельности. Это базовый принцип тайм-менеджмента.

Я моргнула. Он соглашался со мной... как с бизнес-партнёром?

Итан открыл свой ноутбук и начал быстро печатать. — Хорошо. Я внесу изменения. Два часа в день на «непредвиденные личные нужды». Так это будет называться в официальном графике. Прогулки в парке... катание на пароме... — он на секунду замер, глядя на меня поверх экрана. — И время

на то, чтобы съесть мороженое.

Он сохранил файл и закрыл ноутбук.

— Но у меня есть условие.

Я напряглась.

— Какое?

— Ты будешь отправлять мне сообщение перед тем, как «выйти в мир». Просто одно слово: «Всё чисто». Чтобы Крис мог выдохнуть и перестать обзванивать морги.

Я улыбнулась впервые за утро. Это была победа. Не полная свобода, но огромный шаг к ней.

— Договорились.

Я встала и подошла к нему.

Итан поднялся мне навстречу.

— Спасибо... — тихо сказала я.

Он легонько щёлкнул меня по носку кроссовка.

— Не за что, мелкая. Ты же знаешь, я всегда на стороне логики... и здравого смысла.

Глава 18

Отстояв свою свободу, пусть пока и в малой части, я почувствовала себя совершенно иначе. Вчерашняя обида не исчезла, но к ней добавилась твёрдая решимость. Я больше не собиралась быть послушной куклой в золотой клетке. Я буду бороться за каждый глоток свежего воздуха.

Утром я спустилась к выходу, где меня уже ждал мой личный водитель — молчаливый и профессиональный мужчина, которого я знала всю жизнь. Он открыл передо мной дверь чёрного внедорожника. Я замерла на секунду.

— Поехали, — скомандовала я.

Мы выехали на улицы Сиэтла. Город просыпался, окутанный привычной утренней дымкой. Я смотрела в окно, но видела не город, а своё отражение в стекле.

— Остановите здесь, пожалуйста, — попросила я, когда мы были в квартале от академии.

Водитель удивлённо посмотрел на меня в зеркало заднего вида.— Мисс Оливия, ваш отец...— Я знаю, что сказал бы мой отец, — перебила я его мягко, но твёрдо. — Но я хочу пройти пешком. Всего один квартал. Пожалуйста.

Он был профессионалом и не стал спорить. Машина плавно затормозила у обочины. Я вышла и вдохнула сырой осенний воздух. Это был мой первый самостоятельный шаг в большой мир.

Я специально пошла по другой стороне улицы, чтобы меня не было видно из окон академии. Мне не хотелось, чтобы кто-то видел машину, на которой я езжу, и тем более — толпу охраны, которая следовала за мной на незаметном расстоянии. Сегодня я не была наследницей империи. Сегодня я была просто девушкой, которая идёт на учёбу.

В академии меня уже ждали. Элис и Миранда стояли у входа, оживлённо болтая. Увидев меня, они замахали руками.

— Оливия! — крикнула Элис. — Привет!

Первое, что она спросила, когда я подошла, было:

— А где Крис? Сегодня он тебя не провожает?

Я лишь фыркнула в ответ. Воспоминание о вчерашнем вечере всё ещё было слишком свежим и болезненным. Я не хотела говорить о нём. Не хотела объяснять подруге, почему мой «телохранитель-брат» сегодня остался дома.

— Пошли скорее, — буркнула я, подхватывая их под руки и буквально затаскивая в здание академии. — Опоздаем на историю искусств! А профессор Хендрикс не терпит опозданий.

Элис и Миранда переглянулись, явно заинтригованные моим резким тоном и румянцем, вспыхнувшим на щеках, но спорить не стали. Мы поспешили в аудиторию.

Я села за парту и выдохнула. Здесь всё было по-другому. Здесь пахло красками и кофе, а не дорогим парфюмом и тревогой. Здесь никто не знал о «Хрустальном цветке». Здесь я

могла быть просто Оливией Джонс. И это чувство было пьянящим.

Глава 19

После учёбы девочки, эти два вихря энергии по имени Элис и Миранда, окружили меня с заговорщицким видом.

— Ну что, Оливия? — Элис подпрыгивала на месте от нетерпения.

— Умираю, как хочу кофе и что-нибудь с огромным количеством крема!

Миранда согласно закивала, её очки съехали на кончик носа.

— Поддерживаю! У нас было три пары, это требует компенсации в виде калорий!

Я посмотрела на их воодушевлённые лица, и на моих губах сама собой появилась улыбка. Вчерашний отвратительный вечер, ссора с Крисом, обида — всё это вдруг показалось таким далёким. Мне хотелось заесть эту горечь сладеньким. Хотелось просто быть обычной девчонкой, которая идёт с подружками за кофе.

— Я с вами, — решительно сказала я.

Перед тем как выйти из ворот академии, я на секунду остановилась. В кармане толстовки лежал телефон. Я достала его и быстро набрала сообщение для Итана. Это было наше соглашение, мой пропуск в мир свободы.

«Всё чисто»

Я нажала «отправить» и убрала телефон. Теперь Крис бу-

дет спокоен, а у меня есть два часа законного, одобренного графика времени «на непредвиденные нужды».

Мы направились в небольшое уютное кафе прямо через дорогу от академии. Место было битком набито студентами, стоял гул голосов, смех и звон посуды. Это была атмосфера творчества и молодости, и я с наслаждением впитывала её в себя.

Мы заняли столик у окна. Я заказала себе большой капучино и эклер с заварным кремом. Девочки взяли по молочному коктейлю и гору пирожных.

— Итак, — начала Элис, когда нам принесли заказ, и она вооружилась ложечкой. — Колись, Оливия! Что у тебя с тем парнем? Ну, с тем красавчиком-брюнетом?

Я чуть не подавилась кофе.

— С каким парнем?

— Не прикидывайся! — Миранда ткнула в меня пальцем, перепачканным в креме.

— Мы видели, как он провожал тебя до дверей академии в понедельник! Он был такой... внушительный! Прямо как телохранитель какой-нибудь рок-звезды.

Я рассмеялась, чувствуя, как щёки теплеют.

— Это мой брат. Я же уже говорила.

— Брат? — Элис разочарованно вздохнула. — Какая жалость. А мы уже нафантазировали себе историю любви с первого взгляда.

— Извини, что разбила ваши мечты, — я улыбнулась и

откусила большой кусок эклера. Сладкий крем растаял во рту, и я почувствовала, как напряжение окончательно отпускает плечи.

Мы болтали обо всём и ни о чём: о преподавателях, о том, кто какие материалы купил для живописи, о том, какой фильм сейчас идёт в кино. Это были обычные девичьи разговоры, и я чувствовала себя абсолютно счастливой.

В какой-то момент я поймала себя на мысли: никто из них не знает. Никто не знает о моём отце-миллиардере, о сети отелей, о телохранителях и о том, что я — *Anthurium*. Для них я была просто Оливией Джонс. Студенткой-первокурсницей с хорошим аппетитом и любовью к эклерам.

И в этот момент я поняла: ради этого чувства нормальности стоило бороться.

Глава 20

Мы просидели в кафе около часа. Я смеялась над шутками Элис, спорила с Мирандой о теории цвета и чувствовала, как с каждым кусочком пирожного и каждым глотком кофе тает ледяная корка обиды, оставшаяся со вчерашнего вечера. Но время, отведённое мне на «свободу», было ограничено, и я это чувствовала.

— Девочки, мне пора бежать, — сказала я, взглянув на часы. — У меня... есть одно дело.

Они понимающе переглянулись.— Опаздываешь на встречу с «братом-телохранителем»? — подмигнула Элис.

— Что-то вроде того, — уклончиво ответила я, улыбнувшись. — Увидимся завтра на лекциях!

Я попрощалась и вышла из кафе. Пока у меня оставалось свободное время, я решила не тратить его впустую. Городской шум остался позади, когда я купила билет и поднялась на палубу парома. Ветер тут же растрепал мои волосы, выбившиеся из хвоста.

Я нашла укромное место у борта, достала блокнот и начала рисовать. В этот раз я не пыталась запечатлеть пейзаж. Мои пальцы сами выводили на бумаге знакомый силуэт: широкие плечи, небрежно лежащие каштановые волосы и руки, покрытые вязью татуировок. Я рисовала по памяти, штрих за штрихом воссоздавая образ Дилана.

В глубине души я надеялась встретить его.

Это было глупо. Я понимала это. Паром был огромным, он перевозил сотни людей по разным маршрутам. Шанс увидеть одного конкретного человека был ничтожно мал. Но сердце всё равно замирало каждый раз, когда кто-то проходил мимо и отбрасывал тень на мой рисунок.

Я пыталась убедить себя, что просто хочу снова порисовать в тишине, послушать шум воды и крики чаек. Но правда была в том, что его дерзкая улыбка и пронизательный взгляд не выходили у меня из головы. Он был первым человеком за пределами семьи (не считая ассистентов), кто знал о моём тайном «я». И он не осудил меня. Не испугался. Он просто... понял.

Я так увлеклась рисованием и своими мыслями, что не сразу заметила, как тень на моём блокноте перестала двигаться вместе с солнцем. Она замерла. Широкая, знакомая тень.

Я резко подняла голову.

Он стоял прямо передо мной.

Дилан.

На этот раз он был одет в простую тёмную куртку с поднятым воротником. Ветер трепал его волосы. Он смотрел на меня сверху вниз с той же лёгкой полуулыбкой, что и в прошлый раз.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — сказал он, кивая на мой рисунок в блокноте.

На странице был изображён он сам.

Глава 21

Я замерла, не в силах вымолвить ни слова. Сердце, которое только что билось в предвкушении, кажется, остановилось совсем, а потом пустилось вскачь, как испуганный заяц. Он был здесь. Не в моих мыслях и не на бумаге, а во плоти, стоял передо мной, заслоняя собой закатное солнце.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — повторил он, его голос легко перекрыл шум ветра и гул парома.

Он кивнул на мой блокнот, который я всё ещё сжимала в онемевших пальцах. На странице был изображён он. Не идеально, конечно, — набросок, сделанный по памяти, — но узнаваемый. Его профиль, наклон головы, даже изгиб губ в полуулыбке.

Я почувствовала, как краска приливает к щекам. Он поймал меня за рисованием его самого. Это было... неловко и странно интимно одновременно.

— Ты... ты следил за мной? — выпалила я, пытаюсь скрыть смущение за возмущением.

Дилан рассмеялся — тихо, хрипло и очень заразительно. Звук его смеха смешался с криком чаек.

— Следил? Нет. Я просто... надеялся. Это разные вещи.

Он сделал шаг ближе и, не спрашивая разрешения, опустился на корточки рядом со мной, так что наши глаза оказались на одном уровне. Его близость волновала. От него пах-

ло ветром, чем-то древесным и едва уловимо — краской.

— Знаешь, — продолжил он, глядя на набросок с профессиональным интересом, — у тебя удивительный штрих. Лёгкий, но уверенный. Ты не боишься оставлять пустое пространство. Это редкость.

Я моргнула, совершенно сбитая с толку сменой темы.

— Ты разбираешься в живописи?

Он пожал плечами, и его куртка натянулась на широких плечах.

— Я разбираюсь в искусстве в целом. Музыка, живопись... это всё язык. Просто разные диалекты. А я полиглот.

Он поднял взгляд от блокнота и посмотрел мне прямо в глаза. В его серо-зелёных глазах плясали озорные искорки.

— И я умею читать между строк... и между штрихов.

Я не знала, что сказать. Он был слишком... прямой. Слишком уверенный в себе. Но почему-то это не отталкивало, а наоборот — притягивало, как магнит.

— А ты? — спросил он вдруг, меняя тон на более серьёзный.

— Ты знаешь что-нибудь о музыке? О настоящей музыке? Не о том, что играет в торговых центрах.

Я покачала головой.

— Только то, что мне нравится мелодия.

Дилан усмехнулся и протянул мне руку.

— Тогда у нас с тобой много работы. Начнём с основ.

Я уставилась на его протянутую ладонь. Его пальцы были

длинными и сильными, как у пианиста.

— Что ты задумал? — с подозрением спросила я, хотя внутри всё трепетало от предвкушения.

— Я приглашаю тебя на концерт, Оливия, — просто сказал он.

— Сегодня вечером. Маленький клуб в порту. Настоящие инструменты, живой звук и никакой фонограммы.

Предложение было внезапным, смелым и совершенно неожиданным. Я должна была отказаться. Я должна была вспомнить про свой график, про охрану, про то, что отец никогда бы этого не одобрил...

Но вместо этого я вложила свою ладонь в его.

Глава 22

Я согласилась. Слова сорвались с губ раньше, чем здравый смысл (или Итан в моей голове) успел возразить. Я совсем позабыла о доме, о графиках, о правилах и о том, что наследнице империи не место в прокуренном портовом клубе. В тот момент существовала только музыка, закатное солнце, заливающее небо багрянцем, и дерзкая улыбка Дилана.

— Отлично, — его глаза сверкнули. — Тогда идём. Они начинают через двадцать минут.

Я быстро набрала сообщение для Итана, пытаюсь унять дрожь в пальцах. *«Всё хорошо. Я в порядке. Просто слушаю музыку»*. Я добавила геолокацию клуба и нажала «отправить». Это было моё обещание, моя страховка. Я не нарушала договор, я просто... расширяла его границы.

Концерт был прекрасен. Это было совсем не то, к чему я привыкла на светских раутах родителей, где играл струнный квартет. Здесь музыка была дикой, необузданной и живой. Она била по нервам, заставляла сердце биться в такт барабанам. Дилан и его группа играли на небольшом деревянном помосте, и закатное солнце служило им идеальной подсветкой, превращая их силуэты в живые картины.

Я была заморожена. Дилан, с гитарой в руках, казался мне воплощением свободы. Его пальцы летали по струнам, а тело двигалось в ритме музыки. Он был не просто музыкантом —

он был частью этой музыки.

Я достала блокнот. Карандаш сам заскользил по бумаге. Я рисовала его — сосредоточенного, с прикрытыми глазами. Рисовала его друзей: ударника с дредами, что колотил по барабанам с закрытыми глазами, и басиста, который покачивал головой в такт. Я рисовала не просто людей — я рисовала энергию, звук, саму душу этого вечера.

Я так увлеклась, что не заметила, как музыка стала тише. Дилан закончил песню и, тяжело дыша, вытер пот со лба тыльной стороной ладони — той самой, на которой было вытатуировано моё имя. Он улыбнулся мне со сцены, и я улыбнулась в ответ.

А потом я увидела тень, упавшую на мой рисунок. Но это была не та тень, которую отбрасывал Дилан. Эта была шире, массивнее и несла с собой не музыку, а холодную ярость.

Я подняла голову и встретилась взглядом с Крисом.

Он стоял прямо за мной, скрестив руки на груди. Его лицо было каменной маской, а в серых глазах бушевала буря. Он был одет не в свой обычный костюм-тройку, а в простые джинсы и чёрную толстовку с капюшоном, но даже так он выглядел как хищник, вышедший на охоту.

— Крис? — пискнула я, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он ничего не сказал. Он просто подошёл ко мне, схватил за руку и рывком поднял на ноги.— Идём.

— Крис! Подожди! Что ты...?

Он не слушал. Он закинул меня на плечо с такой лёгкостью, будто я весила не больше котёнка. Мир перевернулся вверх тормашками.— Отпусти меня! Немедленно! — я колотила его кулаками по спине, но это было всё равно что бить по гранитной скале. — Крис! Ты позоришь меня!

— Ты сама себя позоришь! — рявкнул он так громко, что несколько человек обернулись. Музыка на сцене смолкла.

Я увидела Дилана. Он стоял на сцене с гитарой в руках и смотрел на нас с выражением полного недоумения и шока. Наши взгляды встретились лишь на секунду, а потом Крис вынес меня из клуба под удивлённые шепотки толпы.

Он швырнул меня на заднее сиденье внедорожника так же бесцеремонно, как и поднял на плечо.

— Пристегнись! — гаркнул он.

Дверь захлопнулась, отрезая меня от музыки, от заката и от Дилана. Я сидела в полумраке машины, глотая слёзы обиды и унижения.

Глава 23

Крис привёз меня домой в гробовой тишине. Всю дорогу я глотала слёзы обиды, унижения и бессильной ярости. Он вытащил меня из машины, не обращая внимания на мои слабые попытки вырваться, и буквально занёс в дом на руках, словно я была не его сестрой, а беглой преступницей или ценным грузом.

В гостиной нас ждали. Вся семья была в сборе. Итан, с усталым видом сидевший в кресле с планшетом. Мама, которая вскочила при нашем появлении, прижав руки к груди. И отец. Майкл стоял у камина, скрестив руки на груди, и его лицо было мрачнее тучи.

— Что это значит? — его голос был тихим, но в нём звучала сталь.

Крис поставил меня на ноги, но не отпустил, всё ещё крепко сжимая моё плечо.

— Я нашёл её в порту. В каком-то клубе. С какими-то музыкантами.

Слово «музыканты» он произнёс так, будто это было синонимом «бандиты» или «наркоманы».

Итан отложил планшет и посмотрел на меня поверх очков. В его взгляде не было осуждения, только глубокая усталость.

— Ливи... — начал он.

— Не надо! — я вырвалась из хватки Криса. — Не надо

читать мне нотации! Я устала! Я так больше не могу!

Мой голос сорвался на крик. Я чувствовала, как внутри всё кипит.— Вы говорите о безопасности, но это не безопасность! Это тюрьма! Я задыхаюсь! Я не могу дышать полной грудью! Мне нужна свобода! Не для того, чтобы гулять с парнями, а для творчества! Для жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.